

Борис Штивельман: современная школа — не источник знаний, а место сопереживания

Борис Штивельман с внуком

Почему главное в школе — ощущение ребенком счастья и уверенности в себе, как советский подход отразился на школьном образовании в Израиле, и почему репатрианты достигают больших успехов в обучении — об этом и многом другом — в интервью с основателем проекта Израильский лицей д-ром Борисом Штивельманом.

— Борис, качество образования — тема неисчерпаемая, но каковы, на ваш взгляд, критерии хорошей школы?

— Сегодня я убежден, что хорошая школа — это школа, где ребенку хорошо. Блестящие педагоги и интеллектуально развитые одноклассники — это прекрасно, но... вторично по отношению к главной идее школы, особенно

начальной.

К этой точке зрения я пришел не вдруг и не сразу, более того, в первые годы жизни в Израиле был — как и 99% репатриантов — в числе критиков местной школы. Где детей только хвалят, а родители приходят на собрание, чтобы услышать, какой их сын или дочь умница. Как учится? Да нормально учится, — успокаивает учитель. Какие оценки? Да нет у нас оценок, но вы не волнуйтесь...

Повторяю, я много лет воевал с этой системой, но отчасти стал ее пленником. Ведь родители уже давно, а учителя относительно недавно не являются главным источником знаний для детей. Они остаются источниками подхода, оценки, навыков учебы и работы, но не информации как таковой...

Школа в некотором смысле стала местом соперничества, поэтому выстраивание новой парадигмы требует особого расположения духа. В плохом настроении вы мало что запомните из музейной экспозиции и не воспримете театральный спектакль. Я бы уподобил хорошую школу семье. Где ребенку живется лучше — у зажиточных родителей или у тех, с которыми он просто счастлив?

— Прекрасно, что в израильской школе все направлено на то, чтобы ребенок был счастлив. Но, как писала одна израильская мама-репатриантка, что нам ждать через 10 лет от этого поколения счастливых идиотов?

— Этот ход мысли присущ репатриантам, сетующим, что на уроках в израильской школе — шум и гам, нет уважения к учителю, дети стихи не учат, оценок им почти не ставят и, главное, — знаний они не получают. Но выясняется, что это не совсем так, и в школе, как и в семье, заботятся о том, чтобы ребенок чувствовал себя нужным и любимым. Кажется, раву Карлибаху принадлежат слова о том, что ребенку нужно немного — хотя бы один взрослый человек, который в него верит. А тут вся школа уверяет его в том, что он талантливый, умный и т.д.

Ребенок должен знать, что если он захочет — он сможет. Израильские дети совершенно не похожи на советских, закомплексованных и неуверенных в себе. Каждый толстый израильский мальчик и каждая прыщавая девочка абсолютно уверены в своей неотразимости. И это правильно — основание

мировоззренческой пирамиды должно быть широким, чтобы она не падала от каждого дуновения ветра.

Школа, в которой творится это отчасти контролируемое безобразие, дает ребенку важный навык — он учится брать ответственность на себя. Он принимает решения чаще, чем это делают за него родители. Он или она четко знают, кем хотят быть.

Да, в результате трансформировались многие присущие нам, евреям диаспоры, ценности. В Израиле не считают, что еврейский ребенок непременно должен получить высшее образование. И это не вызывает такого протеста, как, например, у моих родителей, когда я в десятом классе пошел в школу рабочей молодежи, одновременно поступив на чулочный комбинат учеником электрика. В университет я потом все-таки поступил, но это был *мой* выбор.

Израильский учитель поощряет инициативу, в школах все более популярны дни предметов на выбор, когда вы можете учить то, что вам нравится, — из определенного набора, разумеется. Есть даже так называемые открытые школы, где все решают дети — что учить, как построить расписание, какого учителя принять на работу — в этих школах неплохие результаты, и главное — на них огромный спрос.

— Прочитую вас: ребенок должен понимать, что если он захочет — то сможет. А если не захочет? Я окончил обычную советскую школу и, вспоминая наших двоечников, понимаю, что даже они обладали элементарными базовыми знаниями... Так ли это в Израиле, где принято ориентироваться на слабых учащихся, поэтому средний уровень падает?

— Хочу вас удивить. В последние годы интерес к учебе в Израиле постоянно растет, и это во многом заслуга выходцев из стран бывшего СССР — я не раз был свидетелем того, как сабры ищут репетитора с русским акцентом для своих детей. И вот еще: много лет наблюдаю один и тот же феномен. Шалопайи в младшей школе, с которыми трудно сладить и в средней, к 10-му классу начинают бешено учиться — эта непонятно откуда взявшаяся заинтересованность в отметках, одобрении учителя, хорошем аттестате — повсеместна. Они стремятся к тому, чтобы их аттестат был настолько хорошим, насколько это возможно, поскольку «внезапно осознали», что он является ключевым фактором в дальнейшей жизни. Нас — репатриантов —

считают «помешанными на образовании», и израильтяне активно перенимают эту моду.

— Но при этом аттестат получают в среднем всего 70% израильских школьников.

— Это так, но к пониманию важности получения аттестата они приходят сами, без всякого влияния родителей. Ведь без аттестата они окажутся в менее престижных частях ЦАХАЛа, и это бьет по их самолюбию.

У этой системы, безусловно, есть недостатки — израильская школа не ориентирована на престиж, она не дисциплинирует, не предполагает домашних заданий и не воспитывает уважение к старшим — так что вчерашним старшеклассникам нередко приходится ломать себя в армии.

— И как в эту систему вписалась концепция Израильского лицея, которую вы на протяжении 25 лет реализуете в школах по всей стране?

— Мы берем лучшее из израильской школы и синтезируем с главной идеей элитарных советских школ: учиться — это интересно, важно и престижно. Этот синтез крайне плодотворен — в первую очередь его оценили выходцы из стран СНГ, но сегодня и многие дети коренных израильтян приходят в наши классы.

Надо сказать, что для школы — это серьезное испытание. Во-первых, мы — коммерческая компания и к нам обращаются, когда школа хочет сделать апгрейд, улучшить успеваемость, повысить процент получения аттестата зрелости и главное — влить новую кровь — ведь Израильский лицей привлекает учеников, ориентированных на успех. И это некая ломка идеологии, ведь мы ориентируем детей на достижения, а не только защиту собственного достоинства.

Сегодня Израильский лицей — это несколько десятков детей репатриантов в обычной школе, меняющих среду обитания, — они больше внимания уделяют спорту, склонны к изучению естественных наук — у них в каком-то смысле более правильно построены векторы образования. Любому директору ясно, что эти дети — благодаря особому культурному коду — легче поддаются обучению, они более дисциплинированы и сосредоточены — поэтому нас

приглашают во все новые и новые школы. Подчеркну, платит за подобный ребрендинг сама школа, а не родители или министерство образования, но это выгодная сделка, которая сразу отражается на успеваемости.

Борис Штивельман с учениками

— Насколько в целом советский подход оказал влияние на систему израильского образования за последние четверть века?

— По-моему, огромное, хотя израильская школа по природе своей сопротивляется авторитарности, большим нагрузкам и т.д. Сопротивляется и... не может устоять, поскольку впечатлена результатами.

В последние годы стали чрезвычайно популярны олимпиады, которые раньше считались уделом избранных, сегодня же школьная олимпиада — норма жизни, их количество выросло в десятки раз. Появились учебные заведения, очень напоминающие советские физматшколы, например, «Шевах Мофет» в Тель-Авиве, с основателями которой я дружу десятки лет. Да, в этом новом горшке знакомый цветок выглядит иначе — это не советская, а израильская школа, где только попробуйте накричать на ребенка или схватить его за руку — рискуете пойти не на ковер к директору, а в тюрьму.

Так или иначе, выяснилось, что из детей выходцев из СССР вырастают люди, которых принято называть элитой общества. И это плоды синтеза израильской свободы и инициативы и свойственной лучшим советским школам ориентации на высшие достижения.

— Тогда поговорим о высших достижениях. Лет десять назад месяца не проходило без скандала, поводом к которому было занятое израильскими школьниками на очередной международной олимпиаде по математике/физике/химии место в третьем-четвертом десятке. Примерно в эти же годы Израиль занимал 64-е место в мире по конкурентности образования, 79-е место по преподаванию математики и т.п. С тех пор ситуация заметно улучшилась. За счет чего?

— На заре своей независимости Израиль занимал верхние строчки на международных олимпиадах для школьников. Но Бен-Гурион решил, что народ един и элитных школ в стране не будет — мы по сей день расхлебываем последствия этой в целом правильной идеи равенства. Долгое время считалось, что образование должно быть демократичным, а ориентация на высшие достижения — порочна. Лишь в середине 2000-х годов министр образования профессор Юли Тамир заявила, что отныне слово *мецуянут* (достиженчество, — ивр.) больше не является позорным!

При этом Израиль страна глубоко элитарная — на курсы летчиков огромный конкурс, а поступить на медицинский факультет у нас настолько сложно, что многие предпочитают учиться на врача в Италии или Румынии. Но в школе на элитарность до последнего времени было табу. Хотя сегодня уже есть сильные школы и сильные классы — и с каждым годом это неравенство смущает все меньше, поскольку современное общество не может существовать в обстановке тотальной уравниловки.

Что же касается наших успехов на олимпиадах, которые в последние годы стали очевидны, особенно по сравнению с 2000-ми, то это во многом заслуга одной семьи — Радзивилловских. Ее глава — мой сокурсник по Новосибирскому университету — сосредоточился на подготовке маленьких детей к поступлению в университет. Он, вероятно, считает, что математика подобна Торе, уверяя, что ее совершенно не обязательно понимать всю и сразу — как и Тору, ее можно учить с любой исходной точки. И эта идея оказалась очень

эффективной для подготовки будущих чемпионов. Мало того, он вырастил двух сыновей, один из которых возглавляет комитет по подготовке израильской сборной к олимпиадам по математике, а второй — по физике.

Да и в целом картина изменилась — если поначалу в этих командах были только выходцы из СНГ, то сегодня там множество коренных израильтян. Когда мой старший внук учился в замечательной школе Кфар а-Ярок, в его классе было две трети детей репатриантов. Когда там учился мой младший внук, «русских» было всего трое...

Сборная Израиля на международной олимпиаде по математике, Румыния, 2018

— Несколько слов об университетском образовании. Как сочетается весьма посредственная школьная подготовка с хорошими университетами, занимающими достойные места в мировых рейтингах?

— Университеты действительно сильные, и поступить в них непросто. Я недавно был на вручении награды декана лучшим студентам Техниона — это выдающиеся молодые люди, причем не только светские евреи — среди них много «вязаных кип», есть и арабы, и друзы, встречаются ультраортодоксы. Они явно осознают себя элитой общества вопреки всем комплексам израильтян по поводу элитарности. Учатся они как бешеные, мы с женой,

окончившие один из лучших в Союзе университетов, пожалуй, такого не видели. Мой внук, получив 85 (в Израиле 100-балльная система), непременно идет пересдавать, сломав руку, не переносит экзамены — и он отнюдь не «ботаник» — напротив, занимается спортом, возглавляет союз студентов компьютерного факультета Техниона и т.п. И такие ребята не исключение.

— То, что израильские студенты в целом старше, чем в Европе или США, — с вашей точки зрения — плюс или минус?

— Знаете, с чем связаны успехи китайцев в сфере образования? Они начинают учить своих детей с рождения. Да, о свободе выбора речь не идет — решение принимается «сверху» и обжалованию не подлежит. В Израиле, как я уже говорил, все по-другому, — первые шесть лет дети практически не учатся, один из моих младших внуков — шестиклассник — до сих пор не выучил таблицу умножения, и нас всех это здорово травмирует. Но он не хочет. И попробуй его заставь!

Школьники начинают учиться в возрасте, когда это уже не так просто, а для студентов это верно вдвойне. Они ведь в среднем на 4-5 лет старше своих западных «сокурсников» — три года армии, потом год-два путешествий по миру — конечно, это огромный минус для учебы, но это наши реалии...

— В Израиле постоянно идут разговоры о реформе образования, получающие новый импульс с приходом нового министра.

— Это огромная проблема — министры меняются часто, а образование — медленный процесс, инкубационный период составляет здесь примерно 10 лет. Но беда даже не в отсутствии стабильности, главное, — защитить отдельные сферы образования. Некоторые из них уже защищены — для детей с ограниченными возможностями есть прекрасные специальные школы. Если талантливые дети получают свой защищенный заповедник, — это очень укрепит израильское образование. Нельзя промывать золотую жилу, как глину, — с каждым годом в Израиле понимают это все лучше.

Беседовал Михаил Гольд